

- 66 См.: *Pico della Mirandola G.* Antologia. Introduzione, traduzione e note di Giuseppe Barone. Milano, 1973. P. 170–198. Ср. с известным монологом Гамлета: “Какое мастерское произведение — человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностями! По образу своему и движениями как выразителен и достоин восхищения!” (цит. по: *Морозов М.М.* Избранные статьи и переводы. М., 1954. С. 366).
- 67 *Grafton A.* Bring Out Your Dead. The Past as Revelation. Cambridge; MA; L.; Harvard UP, 2001. P. 101.
- 68 См.: *Дживеллегов А.К.* Итальянская народная комедия. Commedia dell'arte. М., 1962. С. 109–113.
- 69 *Августин А.* Исповедь. СПб., 1999. С. 119.
- 70 *Satires du sieur D***.* P.: C. Barbin, 1666. P. 10.
- 71 *Oeuvres de Molière, avec un commentaire...* par M. Auger. P., 1819. T. IV. P. 232 (n 1).
- 72 См.: *Boileau N.* Oeuvres complètes. P., 1966. P. 875 (Bibliothèque de la Pléiade).
- 73 *Oeuvres de Molière.* Nouvelle éd., augmentée de la Vie de l'auteur et des Remarques historiques et critiques, par M. de Voltaire. Amsterdam; Leipzig, 1765. T. III. P. 218.
- 74 *Oeuvres de Molière...* P. 232 (n 1).
- 75 *Dictionnaire de l'Académie française.* P., 1835. T. I. P. 539.
- 76 *Гоголь Н.В.* Мертвые души (I, 8) // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 5. С. 153. Пользуюсь возможностью поблагодарить А.С. Немзера за указание на русские вариации обсуждаемой темы.
- 77 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1963. Т. VI. С. 253.
- 78 *Там же.* Т. XIII. С. 197.
- 79 *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. V. С. 352.

Л.Н. Киселева, Т.Н. Степанищева

“ОТМЕЧЕННЫЕ” ДАТЫ В МИРЕ ЖУКОВСКОГО

ЖУКОВСКИЙ ПРОЧНО ВОШЕЛ в русское культурное сознание как поэт “памяти”, “воспоминания”, и априорно можно предполагать, что в его “мире” — множество важных дат, что они должны повторяться, фиксироваться в дневниках и письмах, обыгрываться в стихах и иных сочинениях. Однако если исключить тексты, написанные к табельным дням или историческим событиям (их мы рассматривать не будем), то таких дат и связанных с ними сюжетов оказывается немного. Мы хотели бы рассмотреть эти “отмеченные” даты, их место в мире Жуковского, в жизни его домашнего круга, его “ареопага” (как он называл своих сводных племянниц — Марию Андреевну Протасову-Мойер, Александру Андреевну Протасову-Воейкову, Авдотью Петровну Юшкову-Киреевскую-Елагину, Анну Петровну Юшкову-Зонтаг). Причем особый ореол вокруг таких дат, т. е. их особое переживание, “проживание”, создавал не столько сам Жуковский, сколько М.А. Протасова. Но начало положил, по обыкновению, сам поэт.

Обратимся к известному эпизоду зарождения его любви, чтобы проследить, насколько стремительно Жуковский развивает эти отношения как в биографическом, так и в литературном плане. Напомним дневниковую запись от 9 июля 1805 г. о внезапно возникшей любви к 12-летней Маше Протасовой: “Можно ли быть влюбленным в ребенка? Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее!” (ПСС: 13, 15). И тут же, в этой записи, поэт строит планы будущей семейной жизни и выражает уверенность в том, что будет счастлив “с ней” и что “она конечно была бы со мною счастлива”. Примерно в это же время он первый раз просит руки Маши у ее матери (своей сводной сестры), правда, относя этот брак к будущему, когда вернется из замышлявшегося тогда заграничного путешествия: “Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будет тогда, и с некоторым нетерпением это себе представляю” (Там же).

Итак, внезапная любовь (“Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось”) сразу же перерастает в планы счастливой семейной жизни, и все это доверяется не только дневнику, но и становится предметом поэтического творчества. Нам важно проследить, как любовная лирика из области домашней поэзии (запись в альбоме, надпись в книге и пр.) постепенно переходит в печать и биографический факт (любовь к М.А. Протасовой) становится фактом литературным. Нас, разумеется, будут интересовать далеко не все (весьма многочисленные, особенно в 1806—1812 гг.) тексты такого рода, а произведения, так или иначе связанные с датами.

В первую очередь это день рождения Маши 16 января и день ее ангела — 1 апреля (которые Мария Андреевна в письмах к Киреевской называла “своими” — “1 апреля и 16 января”).

Когда Жуковский становится в 1808 г. редактором журнала “Вестник Европы”, то уже январский № 2 он делает подарком к Машиному 15-летию, печатая там повесть “Три пояса”, где героине также исполнялось 15 лет. Разумеется, в 1808 г. разгадать эту приуроченность, ретроспективно отмеченную Зейдлицем (Зейдлиц: 34), могли только два-три человека из семейного круга, но в тот момент самым главным для автора была догадка адресата. Можно предполагать, что адресат не остался в неведении, так как в домашней поэзии (в альбоме, подаренном Маше на 1807-й год, никогда при жизни Жуковского не публиковавшемся) все чувства были выражены с предельной ясностью:

На Новый год в воспоминанье
О том, кто всякий час мечтает о тебе!
Кто счастье дней своих, кто радостей исканье
В твоей лишь заключил, бесценный друг, судьбе!
(ПСС: 1, 115)

Даже если учесть заведомую комплиментарность и некоторую преувеличенность альбомной риторики, такая надпись была более чем красноречивой.

Но теперь, пусть и в зашифрованном виде, поэт стремится сделать факт своей любви фактом литературы.

В апреле того же года Жуковский публикует романс “К Нине. С английского” — вольное переложение стихотворения Томаса Перси “Песня”. И опять публикация имеет знаковую хронологическую приуроченность — на этот раз к именинам Марии Андреевны. В оригинале стихотворение было обращено к невесте Перси Анне Гутеридж и содержало обращение Nancy, которое было передано по-русски именем Нина¹. В комментариях Н.Б. Реморовой подробно прослежена эволюция от более раннего текста (конца 1805 — начала 1806 г.) к печатному варианту и отмечена адресация произведения М.А. Протасовой (см.: ПСС: 1, 516—518). Нам сейчас важно не просто напомнить эти известные факты, но подчеркнуть, что Маша получает литературное имя — Нина, которое, как всем памятно, в России в начале XIX в. носило именно литературный или светский характер. Это имя неоднократно использовалось Жуковским и в дальнейшем в лирических текстах, адресованных Марии Андреевне². Например, “Песня” (“Мой друг, хранитель ангел мой...” — из Фабра д’Эглантина) при публикации была снабжена датой — 1 апреля, а в альбом Маше вписана под заглавием “К Нине”. Затем в печатной версии поэт ставит криптоним NN (становящийся как бы сокращением имени *Нина*). В конце 1808 г. появляется еще одно стихотворение “К Нине. Послание” (“О, Нина, о Нина, сей пламень любви...”), где проявились многие важные мотивы любовной лирики Жуковского (возможность любви после смерти, сохранение на небе чувства к покинутой на земле возлюбленной, вечная верность в разлуке). Использует Жуковский и “рискованную” композицию, когда сначала “опасный” тезис как будто бы утверждается:

Ах! Самое небо мне будет изгнаньем,
Когда для бессмертья утрачу любовь!
(ПСС: 1, 131) —

а затем опровергается:

О Нина, я внемлю таинственный голос:
Нет смерти, вещает, для нежной любви.

Смерть сопрягает влюбленных “теснейшим союзом”, умерший возлюбленный станет незримо сопровождать свою избранницу:

Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу
.....
Я буду твой спутник, я буду с тобой
Делиться священным добром наслаждением...

Разлука становится в стихотворении сладостным меланхолическим чувством, которое окрашивало и мотивы элегии “Вечер”, ставшей литературным воплощением пейзажа Мишенского — окружающей поэта и девиц Протасовых природы. Эта элегия приобщала учениц Жуковского к самому механизму творчества как преобразования и пересоздания реальности (“прекрасное в словах пересоздать”)³. Далее в послании “К Нине” разлука обещала “Присутствие Бога⁴, бессмертья награду, / И с милым свиданье в безвестной стране”, а завершался текст апофеозом свободы, которую приносит смерть, и утверждением бессмертия:

О Нина, о Нина, бессмертье наш жребий.

Важность этого стихотворения для М.А. Протасовой, как напомнила в своем комментарии Н.Б. Реморова, засвидетельствована ее письмом Жуковскому от 6 сентября 1819 г.

Однако, возвращаясь к 1807—1808 гг., заметим, что друзья Жуковского скоро начали догадываться, что его любовная лирика получила биографическую подоплеку. Имя возлюбленной по-прежнему табуируется (и, заметим, эта привычка сохранится у Жуковского надолго даже в переписке с близким ему А.И. Тургеневым, участвовавшим в хлопотах о разрешении на брак и лично знавшим, о ком идет речь). Жуковский предупреждает о нежелательности всякого рода насмешек или пересудов насчет его чувства (ср. рассуждения в письме к А.И. Тургеневу от 9.12.1807⁵).

Ситуация с использованием имени Нина как литературного имени возлюбленной, видимо, также осложнилась — скорее всего, любовная лирика Жуковского привлекла внимание Е.А. Про-

тасовой, которая сделала соответствующие выводы. Но поэту не хотелось расставаться с ним (другое литературное имя Маши — Темира — не прижилось). Тогда он придумывает остроумный ход, который должен был обезопасить его и его текст от подозрений Екатерины Афанасьевны. В 1812 г. Жуковский пишет стихотворение “Нина к своему супругу в день рождения”, которое датирует 1 июня (при жизни оно не печаталось и осталось на уровне “домашней” поэзии). Оно было написано как бы от имени Анны Ивановны Плещеевой, жены приятеля Жуковского, которую в семье звали Нина, и адресовалось ее супругу Александру Алексеевичу Плещееву, хозяину Черни, ко дню его рождения (именно 1 июня)⁶. В нем выражены заветные мысли самого Жуковского о семейной жизни (то, что в его дневниках связывалось с мечтами о Маше). Но формальных претензий ему предъявить не могли.

Однако вскоре, 3 августа 1812 г., в день рождения А.И. Плещеевой (тоже памятная дата) произошла давно назревавшая катастрофа — после исполнения Жуковским романса на его собственные слова “Пловец”. Если знать контекст, то он перестает казаться таким “невинным”. К этому дню Жуковский тщательно готовился. Кроме “Пловца” он написал стихотворение “К А.И. Плещеевой” (“В час веселый всяк пророк...” с упоминанием 3 августа и имени Нина как домашнего имени адресата, шутливое обращение в стихах к Е.А. Протасовой (“Скажите, Катерина...”) с обещанием оставить баллады, а также шутливую “Речь”, обращенную к А.А. Плещееву (“О Братья! Хлеб-соль ешь, / А правду так и режь!”). Однако кульминацией дня должен был стать “Пловец”, который, по-видимому, задумывался как публичная акция (пусть и в близком кругу), призванная предать гласности заветные намерения Жуковского, и она не была неожиданной для Марии Андреевны. Во всяком случае в своих письмах к Жуковскому она дважды возвращается к этой дате: “Сегодня 3-е августа! Как я находила себя счастливой в этот день!” (1820 г. — УС: 240) — и особенно 2.08.1819 г.: “Завтра бывал счастливый для меня день. Сердце все еще не перестало роптать. — Но ни слова о грустном” (УС: 220). Если бы этот день ассоциировался у Марии Андреевны только с эпизодом из-

гнания Жуковского из дома (что произошло после исполнения “Пловца”), то она вряд ли дважды говорила бы о нем как о счастливом. Скорее всего, в связи с 3 августа и предстоящим праздником в доме Плещеевых (а может быть, и в этот день) перед намечавшимся отъездом Жуковского в армию, перед разлукой с неизвестным исходом (поэт ехал на войну), произошло их решительное объяснение.

День рождения Машы 16 января еще раз появляется в стихах Жуковского в 1814 г. — в ореоле надежды. Он едет к Лопухину, надеясь добиться поддержки и разрешения на брак: “Прелестный день, не обмани...” (ПСС: I, 301). А на свой день рождения в этот год он пишет стихотворение, в котором также присутствует образ Марии Андреевны:

Мне ангел, мой хранитель,
Твой вид приняв, сказал: “Я друг навеки твой!”
В сем слове *все* сказал небесный утешитель
(курсив автора; ПСС: I, 305).

Стихотворения эти, явно парные, с общими темами и образами, должны были “отметить” для поэта и его читательницы важные даты и обозначить новые принципы их отношений (*дружба навеки*).

Следующая “Машина” дата, которая входит в поэзию Жуковского, — это 9 марта 1823 г. Так называется стихотворение “Ты предо мною стояла тихо...”, что подтверждается и автографом (ПСС: II, 618–619). Уже давно И.М. Семенко доказала, что дата 19 марта, иногда до сих пор фигурирующая в изданиях лирики поэта в заглавии, является ошибочной (видимо, восходящей к Зейдлицу — см.: Зейдлиц: 134) и что поэт фиксирует в названии момент последнего свидания в Дерпте перед отъездом в Петербург, а не день, когда, согласно легенде, он получил известие о кончине М.А. Мойер (Семенко: 35).

Но на этом неясности не заканчиваются, поскольку мы до сих пор не знаем достоверно дня ее смерти. Число, если и присутствует, колеблется между 17 и 18 марта и основывается на письме Жуковского к Елагиной от 28 марта 1823 г., опубликованном К. Зейдлицем и отсутствующем в Уткинском сборнике. Жуков-

ский называет днем своего отъезда из Дерпта после последнего свидания 10 марта, что еще согласуется со стихотворением, так как в письме он пишет: “Было поздно, когда я выехал из Дерпта, долго ждал лошадей, всех клонил сон”. Из-за задержки с отъездом прощание растянулось: “Я сказал им, чтобы разошлись, что я засну сам. Маша пошла наверх с мужем. Сашу я проводил до ее дома <...> Возвратясь, проводил Машу до ее горницы; они взяли с меня слово разбудить их в минуту отъезда. И я заснул. Через полтора часа все готово к отъезду. <...> Она спала, но мой приход ее разбудил: хотела встать, но я ее удержал. Мы простились; она просила, чтоб я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку, и это было последнее на этом свете! И через десять дней я опять на той же дороге, по которой мы вместе с Сашей ехали на свидание радостное, и с чем же я ехал?” (Зейдлиц: 132). Уже тут мы видим некоторую несогласованность в датах: в стихотворении названо 9 марта, в письме днем отъезда названо 10-е. Далее в том же письме называется 17 марта, но из контекста не явствует, имеется ли в виду день кончины или только начало родов, от которых Мария Андреевна скончалась: “В субботу 17-го марта она почувствовала приближение решительной минуты. Ребенок родился мертвый, мальчик. Она потеряла память, пришла через несколько времени в себя; но силы истощились, и через полчаса все кончилось!”. От хронологической неопределенности этого текста датой кончины называется то 17, то 18 марта. Дата отъезда Жуковского из Петербурга также колеблется. Согласно неясному свидетельству А.И. Тургенева, повторенному Зейдлицем, поэт узнал печальную весть от случайно встреченного на улице незнакомого человека (надо полагать, приехавшего из Дерпта) 19 марта и сразу собрался в дорогу. Сам Жуковский писал Елагиной: “И через десять дней я опять на той же дороге”. Однако никто, кажется, не задавался вопросом о том, как могло известие о кончине М.А. Мойер, если она произошла 17-го или тем более 18-го, достичь Петербурга уже 19 марта. Тем более что Жуковский, описывая реакцию близких, окружавших Машу в эту минуту, пишет: “Они все сидели подле нея, <...> и никто не смел четыре часа признаться, что она скончалась”. Следовательно, весть о смерти не могла облететь

город сразу. Разумеется, приезжий в столицу мог, по случайному стечению обстоятельств, встретить Жуковского на улице в день своего прибытия в город, но частный человек (не правительственный курьер) не мог доехать из Дерпта в Петербург менее чем за двое суток. Кроме того, из письма поэта не явствует, присутствовал ли он на похоронах: “Знакомый и незнакомый прислали цветы, чтоб украсить стол, на котором лежали наши два ангела. <...> Она казалась спящею на цветах. Все проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнул”.

Никакого документального свидетельства о дате кончины до сих пор не имелось. Однако недавно в Эстонский исторический архив поступили новые материалы и среди них — фонд Успенской церкви г. Тарту, где отпевали М.А. Мойер, ранее в архиве отсутствовавший. По нашей просьбе замечательный архивист Т.К. Шор разыскала в соответствующей книге запись о смерти Маши. Вот она: “1823, 22 марта Дерптского университета профессора Ивана Филиппова Мойера жена Мария Андреевна умре натуральною болезнию с покаянием двадцати шести лет; Требу сию совершили Дерптской Успенской церкви священник протоиерей Алексей Соколовский, диакон Иоанн Лебедев, дьячок Иван Иванов, пономарь Василий Ефимов”⁷.

Как мы видим, этот документ еще более запутал дело. Ясно, что запись производилась задним числом, так как указаны имена священнослужителей, совершивших отпевание. Возможно, что произошла ошибка и по недосмотру указан не день смерти, а, например, день похорон, поскольку даже возраст умершей назван ошибочно — в марте 1823 г. М.А. Мойер было уже 29 лет. Но других документов (например, записи в университетском деле Мойера, объявления в газете “Dörptische Zeitung”) просто нет. Так что сейчас дата так и покрыта тайной, хотя для Жуковского основное значение имело то, на чем он сделал акцент в стихотворении — момент последней встречи с Машей на этом свете.

Если теперь вернуться к проблеме “памятных дат” в мире Жуковского, включая в этот “мир” и его “дом”, его “семью”, и попробовать выделить разные типы отмеченных дней, то в первую очередь, как мы видели и на примере самого Жуковского, это семейные даты — дни рождения и ангела близких людей.

Например, М.А. Протасова-Мойер пишет Жуковскому 2 февраля 1820 г.: «29 и 30 января прошли: я их праздновала *хорошо*, так как их достойно в твоём отсутствии праздновать должно. Блудова пословица “приберег Бог сердцу милого”, сделала из меня лучшего, деятельнейшего человека, и мы пили за твоё здоровье в *большом* обществе. — Я не скажу, чтоб мне грустнее обыкновенного было об тебе. Ты у меня на сердце так, как должно, в будни и в праздники; но прошедшее больше бунтовало, и Катька своими голубыми глазами не всегда могла усмирить бурю» (УС: 250).

В семье было принято поздравлять с “личными” датами, отсутствие поздравления горько переживалось. Ср. письмо М.А. Мойер осенью 1819 г. к Жуковскому о дне рождения Екатерины Афанасьевны: “Вы забыли ее 1 октября, и признаюсь тебе, что она об этом поплакала”. К этим числам старались приурочить другие знаменательные события: например, Е.А. Протасова намечала день свадьбы Маши и Мойера на 11 января, день рождения А.П. Елагиной (план не осуществился, свадьба состоялась на несколько дней позже).

Однако гораздо важнее были для Марии Андреевны “тайные даты” — дни и числа, которые напоминали ей об истории ее отношений с Жуковским. Записи здесь не всегда ясны или двойственны, так как подвергнуты строгой автоцензуре (см.: Киселева, Степанищева: 65–79) и, кроме того, предназначены для двоих, которым смысл был заведомо понятен. Любопытно сравнить два фрагмента из писем Марии Андреевны — один относится к празднику Св. Троицы, с которым, по-видимому, были связаны какие-то особые воспоминания: “Завтра Троицын день; время славное, все прошедшее теснится на душу, и я благодарю Бога за него. Кто лучше меня знал совершенное счастье?” А другой — к Рождеству, которое отмечалось в доме Мойеров по немецкой традиции, весьма отличной от того, как это делалось в “русской” России. В Дерпте была елка, для которой в русском обиходе еще не было соответствующего слова, поэтому в письме к А.П. Елагиной от 24 декабря 1818 г. Мария Андреевна употребляет слово “дерево” (калька с *Weihnachtsbaum*). Благодаря своей “Дуньку” за присланные подарки zum Heiligen Christ, она делает важ-

ное признание: “Нынешний праздник еще милее тем, что к нему не присоединяется никакое грустное воспоминание” (УС: 216).

Особо следует выделить дату 21 января. Мария Андреевна пишет Жуковскому 20 января 1820 г.: “Завтра великий день в наших аналях! обнимаю тебя и прошу Бога сохранить тебя нам”. Мы рискуем осторожно предположить, что это был день великого и трудного перелома, когда, приехав в Дерпт в январе 1816 г., Жуковский благословил Машу на брак с Мойером. Возможно, что дальнейшее исследование даст иное разъяснение этой дате, но пока мы не можем предложить другого решения.

Переписка Жуковского, М.А. Мойер и А.П. Елагиной содержит много умолчаний, многие письма были уничтожены, а дневники полны пустых страниц или их остатков — после того, как листы были вырваны. Читать эти документы трудно, потому что жизнь их авторов, какой она встает с их страниц, по-настоящему трагична. Однако сами они пытались до конца придерживаться известной “философии фонарей”. Подобно тому как редко расставленные фонари освещают весь путь, так и памятные даты (минуты счастья или духовной победы) освещают темное пространство между этими мгновениями. Авторы прилагают все усилия к тому, чтобы представить свою жизнь как счастливую.

Сейчас, очевидно, рано делать выводы о “поэтике дат” в творчестве и биографии Жуковского. Намеченные нами сюжеты скорее послужат предметом дальнейшего изучения и комментирования. Но интересно уже то, что поэт памяти, воспоминания либо избегал введения лично значимых дат в поэтический текст, либо стремился скрыть, замаскировать их, тем самым не позволяя читателю прямо проецировать героя лирики на автора — Жуковский в очередной раз обманул исследовательские ожидания.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПСС — Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999.
УС — Уткинский сборник I: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / Под ред. А.Е. Грузинского. Изд. М.В. Бэр. М., 1904.

Жуковский в воспоминаниях — В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.

Зейдлиц — Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. СПб., 1883.

Киселева, Степанищева — Киселева Л., Степанищева Т. Проблема автоцензуры в переписке М.А. Протасовой и В.А. Жуковского // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая серия. V. Тарту, 2005.

Лотман — Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Пеньковский — Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999.

Сакулин — Сакулин П. М.А. Протасова-Мойер по ее письмам // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб., 1908. Т. 12. Кн. 1. С. 1—39; Кн. 2. С. 1—44.

Семенко — Семенко И.М. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. М., 1975.

- 1 Многочисленные примеры использования имени *Нина* в русской литературе приводит А.Б. Пеньковский в книге “Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении”. Исследование концептуально не всегда убедительно, но ценно обилием исторического материала. В частности, Пеньковский указывает, что имя *Нина* часто использовалось как домашнее, заменявшее не только имя *Анна*, но и *Екатерина*, *Анастасия*, *Антонина* и некоторые другие (Пеньковский: 363—364).
- 2 Вопрос об актуальных для Жуковского претекстах его “*Нины*” нуждается, конечно, в дополнительном изучении. Возможно, что не только перечисленные Пеньковским стихотворения Державина, И.М. Долгорукова и менее значительных авторов указали Жуковскому на это имя, но и театральные постановки (“*Нина*, или *Безумная от любви*” — опера и балет на один сюжет). Сейчас важнее указать на то, что Жуковский использовал это имя прежде всего как условное, т. е. не относимое к конкретному человеку, скрывающее реального адресата, точнее даже — относимое к любому адресату (имя условное легко перестает быть личным).
- 3 Для старших племянниц Жуковского таким “текстом приобщения” стало уже “*Сельское кладбище*” (см. воспоминания А.П. Зонтаг — Жуковский в воспоминаниях: 102).
- 4 Ср. известный фрагмент из “*Невыразимого*” — “Присутствие Создателя в создании”.
- 5 Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 41.
- 6 Примечательно, что в этом сюжете задействованы Плещеевы — семейство, известное в истории русской культуры по роли в биографии и творчестве Карамзина; одно из провинциальных дворянских семейств, создававших “лицо эпохи” (см.: Лотман: 242—254).
- 7 ЭИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 426. Л. 163об. Сердечно благодарим Т.К. Шор за неоценимую помощь.